

Страница из жизни Дельвига.

Скупое повествуют биографы Дельвига о странной, неожиданной и слишком ранней смерти большого мастера лучшей поэтической эпохи в истории русской культуры.

Певец поэт Божьей милостью, мастер стиха в своей постоянной поэтической работе и в художественных исканиях, редактор крупнейших литературных изданий, чуткая и мягкая человеческая душа, соединяющая в интимный круг разбросанных поэтов—Дельвиг глубоко взволновал современников своей загадочно неожиданной ранней смертью, но как то слишком скоро и странно—несправедливо был забыт последующими поколениями, создавшими новых богов, отличных от кумиров Пушкинской эпохи, не похожих на них.

„Едва ли не по внушению Булгарина сделан был Дельвигу выговор за напечатание в „Литературной газете“ французского стихотворения Делавиня по случаю событий Июльской Революции в Париже. Объяснение с графом Бенкендорфом по этому поводу тягостно подействовало на Дельвига: он стал хворать и уже не встал с постели. Кончина его последовала 14 января 1831 года“. (В. Майков). Вот едва ли не все, что мы знали до самого последнего времени о смерти большого поэта. Медленно, постепенно, с каждым годом, в последнее десятилетие начинают проясняться контуры той глубокой душевной драмы, которая унесла в ненужно-раннюю могилу одного из любимейших любимцев богов и это прояснение душевной драмы Дельвига интересно и значительно не только потому, что вводит в его внутренний душевный мир, раскрывает его и приближает нас к одному из центров поэтической эпохи, но и потому, что условия, в которых протекали душевные драмы Пушкина и Дельвига, рисуют отчетливее еще затушеванную и не ясную для нас историческую картину 20 х годов и порога нового десятилетия. В этом смысле—следить за ходом нарастания душевной драмы Пушкина или Дельвига—значит вчитываться в живую книгу современности, столь отличную от нашей современности.

В последней катастрофе—развязке драмы Дельвига, переплелись условия русской общественности и личной жизни, но и те и другие условия, и общественная жизнь и личная драма—проявления одних и тех же особенностей и уклада эпохи и ее иллюстрируют своими живыми примерами. Одни условия, которые свели барона Дельвига в могилу, стали для нас более ясны после опубликования в 1912 году мемуаров барона А. И. Дельвига „Мои воспоминания“. Двоюродный брат поэта обстоятельно рассказал всю кошмарную историю борьбы III го отделения, возглавлявшегося знаменитым шефом жандармов графом А. Х. Бенкендорфом, с „Литературной газетой“ и ее редактором-издателем бароном А. А. Дельвигом. Строгие выговоры от А. Х. Бенкендорфа Дельвиг получал еще летом—в августе 1830 года, и нервы поэта были натянуты и этими выговорами, и условиями личной жизни, личной драмы и потому каждое требование в III-ье отделение действовало на него особенно угнетающе. Вскоре после выхода №-ра „Литературной Газеты“ с четверостишьем К. де-ла Винья на памятник жертвам 27, 28 и 29 июля—„Бенкендорф снова потребовал к себе Дельвига, который введен был к нему в кабинет в присутствии жандармов. Бенкендорф самым грубом образом обратился к Дельвигу с вопросом: „Что ты опять печатаешь недозволенное?“

Выражение *ты* вместо общепотребительного *вы* не могло с самого начала этой сцены не подействовать весьма неприятно на Дельвига. Последний отвечал, что о сделанном распоряжении не печатать ничего относящегося до последней французской революции он не знал, и что в напечатанном четверостишье, за которые он подвергся гневу, нет ничего недозволительного для печати. Бенкендорф объяснил, что он газеты, издаваемой Дельвигом, не читает, и когда последний, в доказательство своих слов, вынул из кармана номер газеты, хотел прочесть четверостишье, Бенкендорф его до этого не допустил, сказав, что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что он троих друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземского уже упрячет если не теперь, то вскоре в Сибирь. Этой же угрозой закончилась вся сцена объяснения, оскорбившая и потрясшая Дельвига: „Бенкендорф раскричался, выгнал Дельвига словами: „Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь“. В результате „Литературная Газета“ была приостановлена, и дело мало изменилось оттого, что Бенкендорф прислал Дельвигу своего чиновника с извинениями в том, что он „разгорячился“ при последнем свидании: „Извинение Бенкендорфа ни сколько не подействовало на Дельвига к лучшему. Он, всегда хворый и постоянно принимающий лекарства, заболел сильнее, прежнего, так что пользовавшийся

его доктор запретил ему выходить из дома. Нравственное состояние Дельвига было самое грустное. Он впал в апатию, не хотел никого видеть, кроме самых близких, и принимал посторонних лиц весьма редко“...

„Здоровье Дельвига в ноябре и декабре 1830 г. плохо поправлялось. Он не выходил из дома. Только 5-го января 1831 г. я с ним был у Слепина и в бывшем магазине казенной бумажной фабрики, ныне Полякова, где Делвиг имел счета. На этих прогулках он простудился и 11-го января почувствовал себя нехорошо. Однако утром еще пел с аккомпаниментом на фортепиано, и последняя пропетая им песня была его сочинения, начинающаяся следующей строфой:

Дедушка, девицы
Раз мне говорили,
Нет-ли небылицы
Иль старинной были.

Когда в этот день Дельвигу сделалось хуже, послали за его доктором Саломоном, а я поехал за лейб-медиком Арендтом. Доктора эти приехали вечером, нашли Дельвига в гнилой горячке и подающим мало надежды к выздоровлению... 14-го января, придя по обыкновению в 8 часов вечера к Дельвигу, я узнал, что он за минуту перед тем скончался“.

Так повествует о смерти Дельвига близкий и родной ему (правда в то время еще очень молодой) человек, и это повествование внушает читателю такое представление, что неожиданная простуда и гнилая горячка, унесшие в могилу поэта, были подготовлены тем нестерпимым нравственным состоянием Дельвига последние два с половиной месяца, в которое его повергла грубая сцена Бенкендорфа и от которого он не мог освободиться. Единственным истинным виновником смерти барона Дельвига был, по версии его двоюродного брата, Бенкендорф, и А. И. Дельвиг не только не знает других истинных причин, вызвавших скорую развязку, но и отрицает их. Впечатление от неприятного объяснения с Бенкендорфом не могли смягчить все другие счастливые условия его душевной жизни:— „Счастье Дельвига в семейной жизни, увеличившееся рождением за полгода дочери, которая уже тогда была очень на него похожа и которую он страстно любил“. Такой безоблачно-счастливой могла казаться личная семейная жизнь Дельвига и не одному его молоденькому родственнику, с большим уважением и некоторым пристрастием относившемуся к „подруге жизни“ поэта. Так и А. Н. Вульф, гораздо более знавший отношения

супругов Дельвигов и пользовавшийся особым (и особого порядка) расположением баронессы Дельвиг, под свежим впечатлением вестей о смерти Дельвига, записывает в своем дневнике:

„Если, к несчастью, это известие (достоверно), то какого прекраснейшего человека лишились все те, которые его знали.— Нежный родственник, примерный муж, верный друг, присоединял он к этим редким качествам необыкновенное добродушие, приветливость и простоту в обращении, привлекавших к нему всякого, кто был столько счастлив познакомиться с ним. Эти прекрасные свойства души его не нужно было открывать в нем через долговременное знакомство,—при первой встрече с ним, их можно было видеть в его благородной наружности и обращении“.

„Достоинства его, как Писателя, давно уже оценены. Поэзия его—отпечаток души, олицетворенные мечты, также прекрасна, как и она; в ней является та же простота, та же чистота и изящность форм. В народной поэзии он явился самостоятельным Гением,—его песни, кажется, слышались нам в самой колыбели; они останутся у нас в памяти вместе с баснями Крылова“.

„Бедная Соф. Мих., какая для нее потеря в то самое время, когда она только что начала носить имя счастливой супруги и матери. Ее положение должно быть тем ужаснее, что с ее пылкими чувствами она едва ли имеет друга, который облегчил бы ей перенесение такой потери. Я опасюсь за ее здоровье“.—Опасаться за здоровье „счастливой супруги и матери“, убитой неожиданной смертью ее мужа—поэта, действительно можно было, и тем более можно было опасаться за то, как она перенесет этот удар, что баронесса Дельвиг должна была вспоминать строчки из письма, написанного шесть лет тому назад в то время женихом-Дельвигом: „Я отдался тебе на жизнь или смерть. Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сдѣлать высочайшимъ счастливецемъ, или скорѣе скажи: умри другъ и я приму это слово, какъ благословеніе“¹⁾. Софья Михайловна должна была чувствовать, что она не „уберегла“ Дельвига своею любовью и что личная драма ее мужа более убила его, чем грубые придирки и оскорбления А. Х. Бекендорфа.

То, что оставалось незамеченным посторонними наблюдателями, не ускользнуло от внимания жившей со „счастливыми“ супругами „жены № 2“ „безномерного“ Дельвига—Анны Петровны Керн (так—женой № 2—в шутку называл ее поэт). А. П. Керн видела то, что подтачивало силы Дельвига, что делало убийственным и

¹⁾ Письма барона А. А. Дельвига к невесте хранятся в Пушкинском Доме и будут опубликованы нами.

невыносимым его нравственное состояние и погружало его в апатию и в таких словах известила своего приятеля А. Н. Вульфа о смерти Дельвига: „Забыла тебе сказать новость: Б. Д. переселился туда, где нет ревности и воздыханий“. Фраза очень многозначительная, говорящая о тех муках ревности и о тех воздыханиях, какие наполняли душевный мир поэта. Письмо А. П. Керн к А. Н. Вульфу, к сожалению, не дошло до нас, но нетрудно догадаться о том, как она комментировала свою красноречивую фразу, ибо отголоски этого комментария дошли до нас в записи А. Н. Вульфа: „То, что она говорить про С. М., тоже было мнѣ не очень приятно читать, тѣмъ болѣе, что, два года живучи внѣ общества женскаго, мнѣние мое объ нихъ стало незамѣтно лучше“.

Наблюдения А. П. Керн вводят нас в тот круг душевной муки Дельвига в 1830 году, которая больше нравственно убивала его и подтачивала его душевные и физические силы, чем все сцены Бекендорфа вместе взятые,—и поднимают завесу с тайны, оставшейся скрытой для А. И. Дельвига. А. П. Керн только намекает на сложную душевную драму Дельвига 1830 года: воссоздать ее можно, зная начало драмы и ее финал, последствия, имевшие место уже после смерти поэта, после его переселения „туда, где нет ревности и воздыханий“.

Дельвиг познакомился с восемнадцатилетней красавицей Софьей Михайловной Салтыковой, ученицей П. А. Плетнева, в начале мая 1825 года в Царском Селе у своей двоюродной сестры А. А. Рошмановой—вскоре по своем возвращении из Михайловского. С. М. Салтыкова в это время переживала всю остроту неудовлетворенной любви и горечь разрыва с женихом—П. Г. Каховским. Страстная и несдержанная, „с пылкими чувствами“, но несколько боязливая и несамостоятельная, Софья Михайловна Салтыкова не решилась пойти против воли крутого и решительного отца и по его требованию разорвала со своим женихом, которого не переставала „пылко“ любить, о котором не переставала мечтать. Ученица П. А. Плетнева, живо интересовавшаяся современным литературным движением и преклонявшаяся перед гением Гушкина и его поэтических друзей, С. М. жаждала знакомства с Дельвигом, как с поэтом и другом Пушкина. Знакомство состоялось (около 14 мая 1825 года), поэт, которому его друг П. А. Плетнев „подсказывал“ свою ученицу, и поклонница поэтов вместе слушали царскосельских соловьев и восхищались природой, а через две недели (30 мая) Дельвиг уже сделал предложение, которое было благосклонно принято. Мы ничего не знаем о том, как образ Дельвига в две недели вытеснил другой милый образ, но о силе чувства Дельвига мы

можем судить по сохранившимся письмам его к невесте: Дельвиг отдался своему чувству, своей „Соницке“ „на жизнь или на смерть“—и до последнего дня своей жизни—14 января 1831 года оставался ему верен. Более страстная и пылкая, увлекающая и увлекающаяся, легко подчиняющаяся своим легким сердечным порывам, властвуемым ею, С. М. повидимому, значительно уступала своему новому жениху в силе, глубине и верности чувства. Так слышится нам в письмах Дельвига, беспокоящегося, тревожащегося за будущее и за полную разделенность его чувства. Даже после счастливого свидания поэт пишет невесте: „Нѣтъ, я еще несчастливѣе сталъ послѣ нашего свиданія. Ты умѣешь упоить меня своею любовью до безумія. Твой голосъ, твои глаза, твои поцѣлуи—всего хочу я, чувствую надобность видѣть, слышать, цѣловать тебя. Все мало мнѣ, для всего мало жизни моей. Ахъ, если бы ты меня такъ любила, какъ бы я былъ спокоенъ, какъ бы я ждалъ терпеливо новыхъ несчастій. Какъ бы я былъ увѣренъ, что они болѣе и болѣе тебя укрѣпляютъ...“.

С. М. не знала Дельвига перед свадьбой счастливым и спокойным: „Ты меня видѣла только страдающаго и влюбленнаго. Когда-то я буду спокойно любить тебя?“—вот постоянный refrain писем поэта, мучающегося тем, что его невеста, ставшая для него единственною целью жизни, „изменит“ ему и подчинится воле отца, вдруг переменившего свою благосклонность на враждебность к Дельвигу и настаивавшего на разрыве с ним. Любовь Дельвига выдержала все трудности, препятствия и затруднения и поддержала слабовольную красавицу. 30 октября 1825 года состоялась свадьба, и Дельвиг, наконец, но не на долго, получил возможность спокойно любить того, в ком видел все свое блаженство. Счастлива была и С. М. Дельвиги стали скоро в центре современной художественной, преимущественно поэтической жизни, и у них в доме собиралось большое общество. Вот как описывает баронессу Дельвиг в это время А. И. Дельвиг: „Она была очень добрая женщина, очень миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая, такъ что часто делала такіе сцены своему мужу, что ихъ было можно выносить только при его жаднокровіи. Она много оживляла общество, у нихъ собиравшееся“.

С. М. Дельвиг нашла свое счастье и удовлетворение своей пылкой, страстной натуре, семейная жизнь Дельвигов казалась безоблачной, но уже в первый год их семейной жизни у С. М. появились поклонники (и в том числе будущий второй ее муж—С. А. Боратынский) На следующий год—1827-ой—число их умножилось, и С. М. стала окружать толпа молодежи. В конце этого

года приехал известный сердцеед А. Н. Вульф, так описывающий свое знакомство с баронессой Дельвиг — „молодою, очень маленькою женщиною лет 20“: „С перваго дня нашего знакомства показывала она мнѣ очень явно свою благосклонность, которая мнѣ чрезвычайно польстила, потому что она была первая женщина, исключая двоюродныхъ сестеръ, которая кокетничала со мною, и еще отъ того, что я такъ скоро обратилъ вниманіе женщины, жившей въ свѣтѣ и всегда окруженной толпою молодежи столичной.—Разсудивъ, что, по дружбѣ ее с А. П. (Керн) и по разнымъ слухамъ, она не должна быть весьма строгихъ правилъ, что связь съ женщиною гораздо выгоднѣе, нежели съ дѣвушкою, рѣшился я ее предпочесть, тѣмъ болѣе, что, не начавъ съ нею пустыми нѣжностями, я долженъ былъ надѣяться скоро дойти до сущнаго.—Я не ошибся въ моемъ расчетѣ: недоставало только случая (Всемогущаго, которому рѣдко добродѣтель или лучше сказать разсудокъ женщины противустоитъ), чтобы увѣнчать мои желанія.—Но неожиданно все разстроилось. Мужъ ее, движимый кажется ревностью не ко мнѣ одному, принялъ порученіе ѣхать на слѣдствіе въ дальнюю Губернію и черезъ мѣсяцъ нашего знакомства увезъ мою красавицу“.

В январѣ 1828 года Дельвиг уехал в Харьковскую губернію и увез с собою умную, вспыльчивую и страстную жену и вернулся в Петербург только в концѣ этого года—9 октября. Девятидесятилетнее пребываніе в Харьковской губерніи (о котором мы располагаемъ немногими свѣдѣніями) не излечило С. М. от кокетства: она плакала „о прежнихъ своихъ грѣхах“, но к старымъ грѣхамъ прибавляла новыя. Снова появились на сцену различные молодые люди и в ихъ числѣ А. Н. Вульф. Черезъ 1½ мѣсяца между ними происходили сцены, подобныя описанной А. Н. Вульфомъ в своемъ дневникѣ. „Соф. упрекала меня въ нѣжности къ ней—и была со мною еще нѣжнѣе прежнего... она сидѣла у фортепіанъ, и, стоя передъ нею на колѣнѣ, мнѣ ловко было ее обнимать, тогда, когда ее рука окружала мою шею... Такъ наша воля слаба, наши намѣренія противорѣчатъ словамъ,—послѣ каждого поцѣлуя она закрывала лицо и страдала отъ того, что сдѣлала и что готова была снова повторить,—я молчалъ, не смѣлъ не только утѣшать или разувѣрять, но даже говорить; оставлялъ ее и бѣгалъ по комнатамъ. Надо кончать наслаждаться, забывъ все, или совѣмъ не искушать себя напрасно“. С. М. готова была „забыть все“, но не могъ А. Н. Вульфъ забыть того, что баронесса Дельвиг—жена Дельвига, котораго он, как самъ говоритъ, „слишкомъ много любилъ“, чтобы „увѣнчать его чело“ и ограничивался разговорами с нею „пламеннымъ языкомъ сладострастныхъ осязаній“, какъ образно называетъ тотъ своеобразный

„платонизм“ и эротизм 20—30 г.г., столь непохожий на любовный быт нашего времени, который проявился особенно ярко во время возвращения их с прогулки в *красный кабачок*. После этой прогулки, С. М., по словам А. Н. Вульфа, „совершенно предалась своей временной страсти и, почти забывая приличія, давала волю своимъ чувствамъ, которыми никогда, къ несчастью, не училась она управлять. Мы не упустили ни одной удобной минуты для наслажденій,—съ женщиной труденъ только первый шагъ, а потомъ она сама почти предупреждаетъ роскошное воображеніе, всегда жаждущее новаго сладострастья. Я не имѣлъ ее совершенно потому, что не хотѣлъ,—совѣсть не позволяла мнѣ поступить такъ съ человекомъ, каковъ Б(арон), но нѣсколько вечеровъ провелъ я на единѣ почти с нею... гдѣ я истощилъ мое воображеніе, придумывая новыя сладострастія“.

Новый—1829 год не принес успокоения мукам ревности Дельвига: в этом году целые дни у Дельвига проводил С. А. Боратынский, об отношениях которого с С. М. можно судить по дальнейшим их отношениям—уже после смерти Дельвига. 7 мая 1831 года родилась баронесса Елизавета Антоновна Дельвиг, и посторонним взорам семейная жизнь или лучше сказать семейная драма Дельвигов казалась семейной идиллией, которая была нарушена и разрушена грубым окриком Бенкендорфа. Иначе обстояло дело в действительности: и в хлопотах и заботах по делу издания „Литературной газеты“ Дельвиг тщетно искал отдыха и рассеяния от тяжелых мучений и терзаний сердца: тщетно потому, что издание „Литературной газеты“ хотя и отвлекало от тяжелой внутренней работы, само по себе подтачивало силы и заставляло нервничать и волноваться и без того изнервничавшегося, больного человека.

14-го января 1831 г. умер Дельвиг, а в начале марта убитая этим вдова его уже получила предложение М. Л. Яковлева, которое с негодованием отвергла. Еще через два месяца приехал в Петербург С. А. Боратынский и вместе с С. М. вернулся в июле в Москву, причем каждый день до позднего вечера проводил у С. М. Дельвиг. Последняя недолго оставалась в Москве и отправилась в Тульскую деревню к своей свекрови с целью всю свою жизнь посвятить единственной дочери. Предоставим слово постоянному почитателю С. М. Дельвиг для рассказа о пребывании ее в деревне и об исполнении ее торжественного обещания—А. И. Дельвигу:

„По приѣздѣ къ своей свекрови, она осталась у нея въ деревнѣ болѣе мѣсяца и все время была очень ласкова къ свекрови и къ ея дочерямъ, такъ что всѣмъ казалось, что онѣ долго прожи-

вуть вмѣстѣ. Вдругъ, какъ дошло до меня впослѣдствіи, явились признаки беременности С. М. Дельви́г. Она поспѣшила уѣхать съ дочерью, оставивъ двухъ братьевъ мужа у ихъ матери, и вскорѣ написала послѣдней из Тулы, что она вышла замужъ за Боратынского, что она по прежнему будетъ любить свою свекровь и ея дѣтей и всѣхъ родныхъ ея перваго мужа и что она надѣется на полную ихъ взаимность...“.

Намъ нетъ необходимости следить за дальнейшей судьбой С. М., за тем, какъ ее слабовольную и пылкую, вспыльчивую и необузданную, обуздалъ ее новый мужъ—С. А. Боратынский, запершій ее в Тамбовскомъ имении, какъ нетъ нужды мотивировать и комментировать приведенные нами факты из жизни С. М. Дельви́г. Наше внимание занимаетъ в данномъ случаѣ не она, а безвременно рано погибшій поэтъ Дельви́г: факты из жизни его жены на общемъ фонѣ чуждаго уже намъ уклада, быта, сами по себе не интересны и не нужны, но они нужны для пониманія того, что происходило в душѣ истерзаннаго поэта, сохранившаго верность темъ словамъ, которые онъ обращалъ къ С. М. за три мѣсяца до свадьбы:

„Нѣтъ жертвъ, которыхъ бы я не принесъ за твое счастье. Для тебя только живу и жить буду... Никакія обстоятельства не погасятъ во мнѣ чувства боготворенія къ тебѣ. В одной тебѣ я найду блаженство. Цель моей жизни будетъ одна: до гроба стараться быть тобою любимымъ“.

Письма Дельви́га сохранились в архивѣ Мары, и С. М. Боратынская, в своемъ долгомъ уединеніи, не раз, конечно, ихъ перечитывала. Что должна была чувствовать эта слабая и добрая женщина, вспыльчивая и своевольная жена безконечно добродушнаго и мягкаго поэта, покорившаяся решительному и твердому С. А. Боратынскому, когда она перечитывала эти разрозненные строки писемъ: „Предчувствія меня мучаютъ. Другъ мой, твоя любовь высочайшее счастье для меня, болѣе чего и Богъ не можетъ дать человѣку“...

„Я увѣренъ, ты не измѣнишь мнѣ... Я всѣмъ къ тебѣ привязанъ. Нѣтъ чувства, нѣтъ способности во мнѣ, которыя бы жестоко не разорвались отъ этого (отъ разлуки): нѣтъ я отдался тебѣ на жизнь или на смерть. *Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сдѣлать высочайшимъ счастливецемъ, или скорѣе скажи: умри другъ...“.*

Дельви́г умер.

М. Л. Гофман.

ФЕНИКС

сборник художественно - литературный,
научный и философский

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗД—ВО „КОСТРЫ“—1922